

Катя Брандис

Дети леса

Превращение
Карага

#эксмогемство

Катя Брандис

Превращение Карага

Серия «Дети леса», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66897908
Превращение Карага: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-160175-1*

Аннотация

С виду Караг – обычный школьник. Но за ничем не примечательной внешностью прячется кое-кто необычный. Наполовину человек, наполовину пума – вот кто на самом деле этот загадочный парень. Жить среди людей такому, как он, не всегда просто. Но, к счастью, однажды Карагу выпадает шанс поступить в уникальное учебное заведение. «Кристалл» – школа, где учатся подростки, умеющие превращаться в зверей. Может быть, Карагу наконец удастся завести друзей? Однако кое-кто здесь уже следит за ним. Кто это? И почему он это делает? И значит ли это, что Карага ждут очень опасные испытания?

«Прекрасная, отлично написанная книга для подростков – остроумная и захватывающая». Süddeutsche Zeitung

Бестселлер по версии престижного немецкого журнала Spiegel.
Первая книга в серии «Дети леса».

Содержание

Человекочудо	8
Ссора	25
Очень опасно	32
Необычное предложение	39
Ещё одно предложение	45
Клыки	56
Школа «Кристалл»	63
Пёстро и дико	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Брандис К. Превращение Карага

Katja Brandis WOODWALKERS. CARAGS

VERWANDLUNG

Cover and inside illustrations by Claudia Carls

© 2016 by Arena Verlag GmbH, Würzburg, Germany.

www.arena-verlag.de

© 2016 by Arena Verlag GmbH, Würzburg, Germany.

www.arena-verlag.de

© Кукес Анна, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Книга 1. Превращение Карага

Продолжение следует...

Катя Брандис

Дети леса

Превращение Карага

#эксмодетство

Москва

2019

«Мальчик-загадка» прозвали меня, обо мне пишут в газетах и рассказывают на телевидении. Я тот самый таинственный подросток, что однажды явился из леса: «Никто не знает, кто он такой. Он и сам не знает, он потерял память».

Потерял память! Как бы не так! Моя память в полном порядке. Я всё помню. Разумеется, и тот день, трудный, но совершенно особенный, когда мне было позволено в первый раз обернуться человеком...

Человекочудо

На мягких лапах мы – моя мать, моя старшая сестра Мия и я – бежали через сосновый лес. Я так и подпрыгивал от возбуждения, как будто мне в мех забрались муравьи.

– *Мы правда это сделаем?* – уже в сотый раз приставал я к маме с беззвучным вопросом, лишь прикасаясь головой к её голове. – *Мы пойдём в город?*

– *Ещё раз спросишь,* – рассердилась мама, – *и повернём назад.*

Конечно, она злилась. Несколько недель мы не давали ей покоя и постоянно твердили: «Возьми нас с собой!» Одних лишь историй о людях нам было мало.

Мама остановилась и стала скрести когтями землю вокруг нас, словно охотилась на бурундука.

– Где-то здесь спрятаны наши человеческие вещи, – объяснила она, и под лапами у неё будто сверкнуло серебро.

Она довольно кивнула и начала превращаться. Её тело выпрямилось, задние лапы стали ногами, на передних выросли длинные пальцы, песочно-рыжий мех превратился в солнечно-белокурые волосы, закрывающие спину. Она улыбнулась

нам, и мы увидели у неё крошечные человеческие зубы.

– Ну, теперь ваш черёд, – напомнила мама высоким женским голосом. – Помните, как это делается? Сосредоточьтесь. Представьте себе, как вы выглядите в человеческом облике. Ощутите в себе человека. Чувствуете покалывание?

Мия замотала головой, что в облике пумы выглядело довольно глупо. У меня же всё получилось легко. Через пару секунд я стоял в лесу на голой земле, и сосновые иголки кололи мои босые ноги. Я прыгал и смеялся, снова и снова, мне нравилось, как звучит мой голос. Как здорово, когда есть руки! С ними можно так много всего сделать! А я уже и забыл, каково это – мы редко превращались.

– Ну же, Мия, давай! – подзуживал я сестру. – Иначе ты не сможешь пойти с нами.

– Не дразни её, – одёрнула меня мама, – ей и так трудно.

Сгорая от нетерпения, я своими ужасно удобными руками раскапывал наш тайник – жестяной ящик, зарытый глубоко в лесную почву.

Наконец и сестрица обернулась человеком. Её каштановые волосы стояли дыбом, как будто у неё на голове сидел динокобраз. Она попыталась пригладить их руками, но не очень-то помогло.

Мия опустилась на колени рядом со мной, и мы вместе вытащили наверх крышку ящика. Мама торжественно вынула вещи и протянула их нам – длинные куски ткани и какие-то штуки из кожи. Я уже и забыл, что делать со всем

этим барахлом.

Глядя на меня, мама улыбнулась:

– Караг, это надевают не на голову, это брюки. В них надо влезть ногами.

– Я так и собирался, – пробормотал я и снова попытался одеться.

Наконец я справился. Что там ещё интересного в ящике? Какие-то баночки и склянки – человеческие лекарства. И пара каких-то смятых бумажных свёртков.

– А это что?

– Деньги, – объяснила мама, – доллары. На них мы сможем что-нибудь купить в городе.

Она бережно взяла в руки один из зелёных свёртков с цифрой 5 и убрала в карман.

– Ну, вперёд! – серьёзно сказала она. – Вы идёте в город в первый раз, поэтому смотрите в оба. От меня ни на шаг, это важно! И никто не должен знать, кто мы такие. Поняли?

У меня пересохло во рту:

– А вдруг люди всё-таки поймут, кто мы... Что тогда?

– Тогда нас убьют, – отрезала мама.

Ох! Мы с сестрой переглянулись. Интересно, у меня были такие же огромные изумлённые глаза, как у неё?

Наконец, мы отправились в путь. Видок у нас, наверное, был ещё тот. Наши шмотки имели так же мало отношения к моде, как рыба – к пихте. Мои штаны заканчивались посередине голени, футболка выцвела и была вся в пятнах. В во-

лосах – сосновые иголки, руки по локоть в земле.

На нас пялились во все глаза – ну и пожалуйста! А вокруг столько людей! Столько блестящих пёстрых автомобилей – и какая же от них вонь, оказывается! Но самое интересное – это магазины. Едва мы вышли на центральную улицу, я прилип к первой же витрине. Тут продавали шляпы, камни – кто и зачем станет покупать камни?! – одежду, чашки, картины и еду. И как же вкусно пахнет!

– Мороженое, – прочитал я вывеску над входом в магазин, – ваниль, клубника, шоколад.

Читать меня научила мама, но что такое «мороженое» – она никогда не рассказывала. Сладкий сливочный запах щекотал ноздри, где-то в области желудка заурчало и запрыгало. Эй, живот, ты чего это?! Но урчание в животе – это ещё ладно. А вот что колючий мех под майкой стал расти – это уж совсем ни к чему. Стоп! Не сейчас!

Я зажмурился: я человек, я человек, человек, человек! Мех стал редеть и исчез совсем. Уф! Колени дрожат, ноги ватные.

– Ладно, куплю вам по мороженому, – объявила мама и протянула смятую зелёную бумажку с цифрой 5 незнакомой женщине. – Одно ванильное, одно шоколадное.

Женщина выдала матери какие-то блестящие металлические штуки, а мне протянула нечто, напоминающее медвежий помёт. Ладно, попробую. Я дотронулся языком до холодного коричневого нечто. Ммм, как сладко! Если бы

у медведей был такой сладкий помёт, я бы выслеживал каждого медведя, справляющего нужду. Мия получила ванильное и взвизгнула от счастья. Но тут же забеспокоилась и стала озираться: вокруг слишком много людей, незнакомых звуков и запахов.

Потом мы прошли мимо магазина под вывеской «Супер-маркет». Через стеклянные двери было видно, что там внутри.

– Хочу туда! – засуетилась Мия.

Я подхватил. И оба канючили до тех пор, пока мама не сдалась:

– Ну, ладно, только быстро.

Стеклянные двери сами собой распахнулись, и мы с Мией растерянно уставились на прилавки. Еда. Везде еда! Горы еды!

– Укуси меня кабан! – не выдержал я. – И люди могут всё это просто так забрать с собой домой? И летом и зимой?

– И зимой, – подтвердила мама.

Мы с сестрой застонали от зависти. Нам зимой часто приходится голодать. В это время года гораздо труднее поймать какого-нибудь оленя или горного барана.

Но тут – о ужас! – от чрезмерного возбуждения Мия уже почти наполовину превратилась обратно в пуму! У неё опять выросли огромные клыки, они уже не умещались во рту, а сестра и не замечала. Она стащила с полки консервную банку с изображением кошки – наверное, потому, что эта кошка

была похожа на пуму. Мия впилась в банку клыками, прокусила её и втянула в себя содержимое.

– Эй, тут дохлых зверей в банках продают! – сообщила она и пошла дальше.

Я дёрнул маму за рукав, но она была занята тем, что подбирала с пола упавшие золотистые металлические штучки.

Сестра всё ещё сжимала в руках прокушенную банку.

– Возьми новую, а эту выброси, – прошипел я, и Мия шикнула в ответ.

– Тебе не кажется, что откуда-то здорово пахнет? – Она задрала голову и принялась.

Сотрудник супермаркета помог матери собрать мелочь. У него на носу сидел какой-то предмет с двумя блестящими кругами, а в ушах торчали металлические штуки. Я на секунду забыл о Мие и уставился на него. Он улыбнулся:

– Привет, парень. Как тебя зовут?

– Караг. – Я сверкнул на него глазами.

– Тебе нравится в Джексон-Хоул?

– Обалдеть как здорово, – ответил я.

Человек улыбнулся и подарил мне круглый предмет, захрустевший у меня в руке. Пахло хорошо, я сунул его в рот. Мужчина захохотал.

– Сначала фантик разверни. – Он помог мне вынуть конфету из обёртки, кивнул и вернулся к работе.

Какие милые бывают эти люди! И какие они, должно быть, могущественные, если строят такие города и живут в них.

Каково это – быть таким, как они? И жить так же?

У конфеты оказался вкус дурацких фруктов. Я незаметно выплюнул её на пол.

– Мия!

Полный ужаса призыв моей матери пронёсся по магазину. И я тут же забыл о людях и своих мечтах. Между тем лицо сестры поросло лёгким светло-коричневым пушком. «Она превращается обратно! – испугался я. – Неужели прямо здесь и сейчас?!»

Мама дёрнула её за руку в проход, где никого не было, схватила какой-то пакет с едой и улыбающейся женщиной на упаковке и сунула эту картинку под нос сестре:

– Мия, родная, соберись! Ты выглядишь сейчас вот так, такой и оставайся! Просто представь себя в облике человека!

Мия послушно кивнула, и я с облегчением увидел, как её клыки втягиваются обратно, пусть и не до конца. Но она вдруг опять что-то учуяла в воздухе и обернулась в другой конец прохода.

– О нет, мясной прилавок! – проговорила мама.

А Мия уже снова обратилась пумой и скользнула в ту сторону. Её лоснящееся светло-коричневое тело как будто вовсе не касалось земли. В два прыжка Мия оказалась у мясного прилавка, провела по нему лапой и когтём подцепила стейк.

Покупатели кинулись врассыпную, заорали и направили на Мию плоские прямоугольные штуки, которые у каждого оказались в руках. Они хотят её убить?! Каким-то чудом мне

удалось сохранить свой человеческий облик, и я как смог с разбегу растолкал толпу. Штуки попадали на пол, разлетелись вдребезги, раздался звон и треск.

– Нет, Караг, стой! – крикнула мама и бросилась за Мией, которая пыталась вскарабкаться на полку с овсяными хлопьями и там наверху спокойно разделаться с добычей. Но на гладкой полке не за что было зацепиться, и моя сестра рухнула на пол вместе с ворохом картонных коробок. Картонки погребли её полностью, один только хвост торчал наружу и хлестал пол. Орущая толпа ломанулась к выходу.

До чего они нас боятся, эти люди, с ума сойти! Не могу взять в толк, почему же мы боимся их!

– Быстро пошли отсюда! – скомандовала мама, подбирая сестрины шмотки. – Через пару минут они явятся с оружием.

– С оружием?

Я тогда ещё точно не знал, что такое оружие, но звучало как-то недобро.

Мия с трудом выкарабкивалась из-под горы картонных коробок, на ходу в превосходном настроении уплетая кусок говядины, хотя её с ног до головы покрывали прилипшие к шкуре овсяные и прочие хлопья для завтрака. Мама схватила её за шкурку и потащила к выходу.

– Пошли отсюда! Бегом! – был приказ, и мы втроём метнулись вон.

Поздно: у входа уже ждали крепкие парни в чёрной униформе. Они не собирались пропускать мимо ни одного чет-

вероногого. Мать прикрыла нас, и мы с Мией шмыгнули за стеллаж.

– Давай превратись ещё раз в человека! – зашептал я в отчаянии в мохнатое ухо сестры. – Постарайся, пожалуйста!

Два глубоких вдоха – и девочка рядом со мной пыталась пригладить волосы пальцами, на которых ещё оставались острые звериные когти.

– Извините меня, – попросила Мия в смущении.

– Хоть бы мне кусочек оставила, – упрекнул я и протянул сестре её одежду.

– Быстро! – напомнила мать. – Орём и мчимся к выходу, как все!

Получилось! Парни в униформе не обратили на нас внимания, хотя Мия забыла спрятать когти в карман брюк.

Совершенно измученные, с истерзанными стёртыми ногами – эти гадкие ботинки! – мы приковыляли обратно в лес. Отец выслушал наш рассказ с явным недовольством.

– *Но люди же нам ничего не сделали,* – промямлил я уже в облике пумы, – *они были с нами добры. Ну, пока Мия не начала охоту в холодильнике.*

– *Добры?! – Отец фыркнул. – Они коварны, подлы и опасны!* – Его слова отчеканились у меня в голове. – *Держитесь от них подальше!* – И он с возмущением обратился к матери: – *Зачем нужно было тащиться в город, объясни мне?*

– *Если бы мы им запрещали, они ходили бы туда тайком!* – огрызнулась в ответ мама.

Увы, меня действительно страшно тянуло в то место, где столько чудес, – тянуло к людям.

– *Почему мы, оборотни, не можем жить одновременно и как люди, и как пумы? Ну, то так, то так, а?* – отважился спросить я.

– *Людям нужна целая куча документов, – начала объяснять мама. – Это такие бумаги, на которых написано, кто ты такой. У нас таких нет.*

Отец взглянул на меня янтарными кошачьими глазами. Как будто насквозь проткнул:

– *Решай, кто ты, Караг, – либо пума, либо человек: быть одновременно и тем и другим не получится.*

Разумеется, мама больше не собиралась брать нас в город. Я в тоске слонялся по окрестным горам и ночи напролёт смотрел на мерцающие городские огни внизу – они были ярче звёзд. По-другому я не мог. Через полгода я в первый раз проскользнул туда один, пока родители были на охоте. Бродил по улицам, вдыхал тысячи новых запахов, от которых кружилась голова, мечтал прокатиться на этой штуке, которую мама называла автомобилем. Не успел я вернуться в лес, как меня уже потянуло назад в город.

Спустя два года, в одиннадцать лет, я принял решение, которое совсем не понравилось моей семье. Однажды утром, слизывая со шкуры росу, я объявил, что хочу жить среди людей.

– *У Карага помутился рассудок, – тут же откликнулась*

Мия и пнула меня лапой в бок.

Я глубоко вдохнул, сосредоточился – и превратился в человека. мех тут же исчез. Холодный влажный ветер неприятно хлестнул по голой коже.

– Это была не шутка!

Отец вздрогнул всем телом от неожиданности и растерянно уставился на меня в человеческом облике. Мама занервничала:

– *Но... так нельзя! Как же ты будешь...*

– Я знаю, как я буду! Я неделями продумывал свой план. Возьму свои вещи из тайника и...

– *Забудь об этом!* – зарычал отец. – *Твоё место здесь!* – Его мохнатые уши нервно задёргались. – *Прекрати эти свои глупости, мы идём на охоту, я научу тебя нападать на оленя.*

– *Ксамбер,* – вмешалась мама с тревогой, – *он серьёзно.*

Наверняка они думают, я слишком мал, чтобы уйти к людям. Но мне уже одиннадцать – они сами рассказывали мне, что лесные звери взрослеют быстрее, чем люди! Пума в одиннадцать лет давно живёт своей жизнью, сама по себе.

– Я буду иногда навещать вас, – пообещал я запальчиво и одновременно подавленно. – То есть часто!.. Как только смогу.

– *Ступай и делай что хочешь!* – рявкнул отец. – *Но я тебе сразу скажу: мы не желаем иметь с людьми ничего общего!*

Тут уж я не на шутку растерялся:

– Но я же... даже если буду жить среди людей... я только притворюсь человеком! Я останусь самим собой!

– *Караг, – беспомощно отозвалась мама, – ты точно хочешь уйти туда совсем один? В нашем зверином обличье нам нельзя подходить близко к людям. Мы не сможем быть рядом с тобой, когда ты станешь одним из них. Мы долго не будем видеться. Люди не терпят хищников поблизости.*

– Но вы же тоже можете превращаться время от времени, – огорчённо предложил я.

И расстроился ещё больше, не получив никакого ответа. Даже мама отвернулась. Она не доверяла людям и не любила превращаться.

– *Правда, дурацкая идея!* – Мия потёрлась головой о мои голые ноги. Она выглядела растерянной и очень грустной. – *Тебе что, совсем не нравится тут в горах?*

– Да нет, тут неплохо, только...

Я обвёл лес человеческими глазами. Мне мало быть просто пумой. Как же им это объяснить?!

– *Мы не сможем прийти к тебе, когда будем тебе нужны*, – печально повторила мама. Признаться, в глубине души я рассчитывал, что в эту минуту она примет человеческий облик: вот, мол, и мы люди, и мы понимаем тебя. Но нет, она осталась пумой.

– Мне пора, – сказал я, обняв за мохнатую шею сначала Мию, а потом и маму.

Мама напутствовала меня последний раз:

– *Береги себя!*

Отец не двинулся с места, когда я его обнял, и даже не посмотрел на меня.

Неужели он действительно откажется от меня? Нет, не может быть. Он сердит сейчас, но со временем он успокоится и простит меня. Я не сомневался.

Дрожа от напряжения и тревоги, но твёрдо решившись, я достал одежду из тайника. В человеческом облике, босиком я бежал через леса и просеки, пока не увидел первое здание. Я просто постучался в полицейский участок в Джексон-Хоул и заявил, что потерял память и не знаю, кто я и откуда. Мой план удался. Меня приняли за человека и выдали все необходимые документы.

Теперь мне уже тринадцать лет. Зовут меня Джей, и вот уже две недели я учусь в седьмом классе средней школы в Джексон-Хоул. В школу пошёл недавно, потому что сначала пришлось много всего узнать о мире людей, а обучали меня этому дома в моей приёмной семье.

У меня коротко стриженные песчаного цвета волосы и зеленовато-золотистые глаза – в общем, ничего особенного, ничем не выделяюсь. Ношу джинсы, кроссовки и рюкзак, как и другие школьники. Ко мне тут уже все привыкли. Почти все.

Увы, не все люди одинаково добры, как я думал. В школе некоторые злобно шепчутся у меня за спиной – думают, я не слышу. Как же! Всё я слышу: этот их шёпот для ушей лесного оборотня – как колокольный звон. А есть совсем гадкие, злобные, вроде бешеного зайца. Шон, например, Кевин и его подружка Беверли, которые в этот сентябрьский день, когда всё переменялось, поджидали меня у входа в школу. Со своей особенной ухмылкой на лице.

Ссора

Кевин – один из самых крепких парней в школе. Всегда обожал издеваться над другими. Его подруга Беверли мечтала стать чирлидером школьной футбольной команды, но с её физиономией, напоминающей картошку, шансов у неё не было. Видимо, поэтому она с увлечением унижала других. А Шон просто примазался к ним обоим – так, от безделья.

Трое глядели на меня, как хищники смотрят на добычу. Не нравится мне, когда на меня так смотрят. Первые три недели, что я ходил в школу, эта троица меня не трогала – я был слишком популярен. Но время пощады, очевидно, кончилось. Они уже пытались пихнуть меня, подставить подножку, измазать мне куртку краской. Их страшно развлекало меня доставать, хотя я каждый раз притворялся глухим. Ни разу никто не вступился за меня и не подумал мне помочь, когда эти трое надо мной издевались. Ужасно грустно.

Я искал глазами, куда бы сбежать, а они окружали меня. Никому не было до нас дела – стильные барышни и раскованные парни садились в школьный автобус или в свои авто.

– Ну, Джей? – начал Кевин, подходя спереди, а Шон в это время подпирал сзади.

– Оставьте меня в покое, – посоветовал я.

– Да ладно тебе, мальчик-загадка, – Кевин засучил рукава и сжал кулаки, – мы же так, просто поиграть.

– Я не знаю таких игр, когда бьют кулаком под дых, – ответил я и быстро отскочил в сторону.

Шон по-идиотски заморгал и тихо охнул, когда кулак Кевина пришёлся ему в живот. Кевин не смутился, в два прыжка догнал меня и схватил сзади. Мне было не до смеха.

– Пусти, я так задохнусь! – прохрипел я.

– В том-то и суть, – ухмыльнулся Кевин.

Шон по-дурацки хихикал у него за спиной.

Ну всё, с меня хватит! Со скоростью молнии я метнулся вперёд, проскользнул снизу, схватил Кевина сзади и швырнул его на землю. Через мгновение я сбил с ног и Шона. Чтобы ему было не так жёстко падать, я перебросил его поверх Кевина.

Всё, можно двигаться дальше, решил я. Но тут на мою голову выплеснули ведро ледяной воды! Я был весь мокрый, от макушки до ботинок. Беверли! Как же я о ней-то забыл!

И ведь именно вода! Она не могла этого знать, но воду я ненавижу больше всего. Униженный, раздавленный, мокрый, я поплёлся своей дорогой, оставляя за собой мокрый след. А в спину мне нёсся их омерзительный хохот. От холода и унижения сжалось сердце, глаза горели. Спрятаться бы куда-нибудь,лизать раны в тишине. Ну почему эти люди не могут принять меня просто таким, какой я есть?! Почему им так нравится мучить меня?

По решетчатому забору прогуливался ворон, каркая и расправляя крылья. Я взглянул на него и пошёл дальше.

И чуть было не споткнулся о второго ворона, который топтался у меня под ногами, склонив голову набок, и разглядывал меня блестящими чёрными глазами.

Я обошёл его и опять погрузился в свои мрачные мысли. Я совсем по-другому представлял себе учёбу в школе. Как-то веселее. С предметами-то я разобрался, учителя тоже пришлось по душе, учился прилежно, пропущенное нагонял быстро. Хотя иногда спрашивал себя: с какой стати и зачем мне приходится учить алгебру или музыкальную теорию? И друзей до сих пор не завёл. Это оттого, что пумы по натуре своей одиночки? Или я просто глупый? Чем больше я думал, тем грустнее становилось на душе. Ещё эти вороны тут лезут, раздражают только. Чего им от меня надо? Один из них попытался присесть ко мне на плечо.

– Отвали, я тебе не ветка, – прорычал я, направляясь к старенькому горному велосипеду, который мне подарила моя приёмная семья. Вороны наконец свинтили.

Не постараться ли попасть в футбольную команду? Хороших футболистов все любят. Как и телезвёзд. Но я побывал на телевидении всего два-три раза – маловато. Вот некоторые были действительно знамениты и любимы: на школьном заборе висел плакат с портретом какого-то жутко важного дядьки. Эндрю Миллинг. Это имя слышалось на каждом шагу, даже в новостях. Вот к нему в друзья все так и ломаются.

Капая на землю холодной водой, я взобрался на велик и поехал к Рэлстонам, моей приёмной семье. В палисаднике

резвился чёрный лабрадор Бинго. Когда я подъехал к дому, пёс залился лаем, его шерсть встала дыбом. Ну не любит он кошек, не любит, и всё!

Я прошёл через кухню и уже собрался было подняться к себе в комнату, но не успел. Дональд, мой приёмный отец и опекун, психотерапевт, принимал пациентов прямо здесь же, дома, и как раз вышел из смежной комнаты за чашкой кофе.

– Хай, – угрюмо бросил я.

– Ну, как дела, парень? – Дональд, по-отечески улыбаясь, обнял меня за плечи, но тут же отдернул руку. – Чёрт, Джей! Почему ты весь мокрый? Мой пуловер! Теперь придётся переодеваться, а у меня пациентка через пять минут! Иди в душ!

И он вернулся к себе.

На бежевом ковре, покрывавшем лестницу, моя младшая приёмная сестра Мелоди играла маленькими лошадками.

– Осторожно, не наступи, – предупредила она меня.

Из комнаты моего приёмного брата, как ни странно, не гремела музыка хеви-метал. Повезло. Я прошёл мимо двери Марлона... и именно в этот момент она распахнулась. Мне навстречу загрохотал тяжёлый хард-рок. Я подскочил как ужаленный, а Марлон с пультом управления в руках согнулся от хохота.

– Йе-е! Круто! – ржал он. – Давай ещё раз!

Я бросил на него взгляд, каким можно убить, прошёл

в свою комнату, запер дверь, переоделся в сухое и улёгся на кровать. Бредовая была идея – жить среди людей. Одна из моих придурей. В горах нет учителей, никто не станет впахивать в мою бедную голову человеческую мудрость. И там нет идиотов, которые будут ко мне приставать. Как хорошо быть пумой – и зачем я всё это сам себе устроил?!

Каждый раз, когда я вспоминал свою лесную семью, у меня в сердце словно скулил маленький зверёк. Уже полгода я пытался их увидеть, но они куда-то пропали. Просто ушли с привычного места обитания. Из-за меня? Или что-нибудь случилось? Они могли уйти далеко в горы, за сотни километров отсюда! Как мне теперь их найти? И простят ли они меня?

Сейчас осень, скоро зима. Здесь, в Скалистых горах, она наступает быстро. Взрослая пума способна пережить зиму в горах в одиночку. Именно взрослая – но я-то ещё подросток. Вот ведь какая незадача...

Мои размышления прервали лёгкие шаги в коридоре и стук в дверь. Я уже знал, кто это. Пришлось заставить себя улыбнуться. Моя приёмная мать Анна вошла и, сев на край кровати, подарила мне свою привычную улыбку, от которой у меня всегда теплело на сердце.

– Привет, – она убрала мне волосы со лба. – Так себе денёк, да? Неудачный?

Я кивнул. Хотелось сказать что-то ещё, но подходящих слов не было.

– Проблемы с учителями? Не понял чего-то на уроке?

Я помотал головой. Анна гордилась мной. Она работала в социальной службе по делам детей и уговорила свою семью принять меня, ещё когда я, испуганный и замёрзший, торчал в полицейском участке. С невероятным терпением она научила меня всему, что должен знать человек моего возраста: чья голова изображена на монетках в четверть доллара (Джордж Вашингтон), что такое Интернет (там можно смотреть фотографии кошек сколько душе угодно), как написать сочинение (одной ручкой и с помощью набора определённых слов) и как пользоваться мобильным телефоном.

Сначала Мелоди было любопытно, что я за зверь такой, но потом ей перестало нравиться, что её мать уделяет мне слишком много времени. С тех пор она обращалась со мной, как будто я клещ, застрявший у неё в шерсти. Хотя шерсти-то у неё как раз и не было.

– Они тебя дразнили? – не отступала Анна. – Дай им сдачи.

– Я дал, – признался я, глядя мимо неё на постер национального парка Гранд-Титон – белые вершины, сверкающие горные озёра, тёмно-зелёные леса. – Но просто я совсем другой, ни один человек не хочет со мной дружить.

– Ты другой, это правда. Ну и что? – Анна посмотрела на меня с бойцовским задором.

Я спрятал лицо в подушки. Знала бы она, насколько я другой! Или в этом городе ещё есть оборотни, кроме меня? Я ни

одного не встречал. Может быть, я, мои родители и моя сестра – вообще такие одни на всём свете.

Анна погладила меня по плечу, вздохнула и вышла из комнаты. Я лежал неподвижно, пока не услышал странный звук. К окну прилип какой-то маленький зверёк. Белка. Она проскакала по карнизу, встала на задние лапки, передними упёрлась в стекло и уставилась на меня. Я вылупился на неё. Вдруг она запрыгала по карнизу, прямо заплясала. Что такое в последнее время со зверями?

Я закрыл глаза, положил руки под голову и снова задумался о своей жизни. И о том, что мешает мне просто вернуться в горы. До того как я ушёл от своих родителей, они обучили меня основным повадкам хищников. Но не успели научить главному: как надо убивать. Этого я не знал. Может, этому легко научиться самому? Прыгаешь на спину оленю, вливаешься в шею – и всё. Вопрос тренировки. Делов-то!

Мне стало дурно от одной этой мысли. Я научился ловко извлекать готовые стейки из пластиковой упаковки, жарить их на сковородке и есть ножом и вилкой. Ещё и с соусом из трав. Мия посмеялась бы надо мной от души. Ну и ладно. Убивать – вопрос тренировки, и я начну прямо сегодня. Вот прямо сегодня ночью и начну. И всем покажу, что за зверь таится у меня внутри!

Очень опасно

Еле дождался темноты. Когда в доме заснули все, включая нервную псину, я превратился у себя в комнате. Здорово снова стать пумой! Горным львом! Королём лесов! Мускулы превратились в стальные пружины. Я вышел на карниз и, удостоверившись, что вокруг ни души, прыгнул со второго этажа на газон, прошелестел через сад и шмыгнул в лес.

Мои кошачьи глаза улавливали свет звёзд даже в эту безлунную ночь. Ночной воздух пах свободой. Издалека я уловил гулкий трубный звук: в окрестностях полно оленей, есть на ком потренироваться.

Вскоре я нашел трёх: двух самок и одного самца. Они паслись на поляне. Пахли изумительно. Пожалуй, слишком близко к кемпингу – ну да ладно: если понадобится, я поделюсь с милыми туристами кусочком оленины.

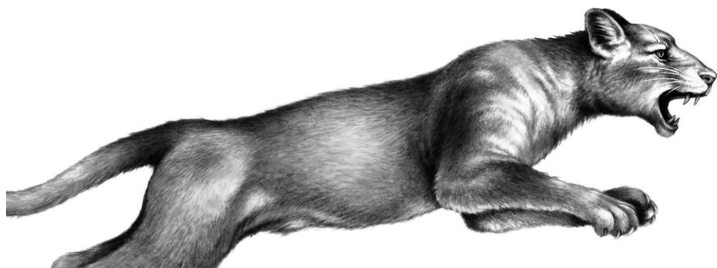

Теперь облава, как учил отец. Осторожно, мягко ставим

лапы на землю, ступаем бесшумно, не сводя глаз с оленей. Я опасный хищник! Идеальная осанка, выправка, плечи расправить, низко склонить голову, уши наострить.

Один из оленей поднял голову. Неужели я ошибся? Не рассчитал направление ветра? Нет, не может быть. Ещё двадцать метров. Теперь прыжок! Вперёд! Атакуй!

И я рванулся вперёд. Но тут мои передние лапы зацепились за что-то тонкое, противное, и вместо прыжка меня закрутило в сальто через голову, я плюхнулся спиной в траву и прокатился ещё несколько метров вперёд. Да чтоб вас!.. Что это было?! Затопчи меня кабан! Шнур от палатки! Проклятье!

Олени посмотрели на меня как на идиота, повернулись ко мне белыми задами и медленно удалились – даже не бегом, а шагом! Издеваются! Теперь небось ржут над моим сальто! Догнать бы их – я бы показал подлецам, каково смеяться над пумой!

Вдруг рядом что-то зашелестело. Туристы! Кто-то совсем рядом со мной выполз из тёмной палатки. Явный запах страха. Разит за километр. Некто ухватился за что-то рукой. Фонарь, наверное. Без фонарей эти повелители Вселенной по ночам превращаются в полный ноль. Хуже того: за моей спиной оказалась вторая палатка, и в ней тоже зашевелились.

– Хьюго, ты что? Что за ночное родео? – заговорил голос сердитой мамыши.

Послышались шаги с другой стороны. Я застыл от страха. Куда бежать?

– Мама, – позвал другой голос – голос испуганного ребёнка.

– В таком шуме невозможно уснуть!

– Мама...

– Ну что?

– Это не я шумел.

– Слушай, Хьюго, не ври, а!

Ещё какой-то шум – и из другой палатки показался человек.

– А-а-а-а-а-а! – заголосил женский голос. – Медведь!

Сама ты медведь! Я пума! Я в панике рванулся прочь – к счастью, не столкнулся с маменькой Хьюго, вовремя отскочил, успел только хлестнуть её хвостом по ногам. Ей и этого хватило: как же она завопила! Я чуть не оглох! Луч фонаря шарил по подлеску и моему меху. Кто хоть немного разбирается в зоологии, понял бы, что с «медведем» они промах-

нулись.

Прочь отсюда! С оленями сегодня ничего не выйдет, теперь весь лес, от полевой мыши до бизона, знает, что я здесь. Огромными прыжками я помчался вон, а вокруг из палаток выглядывали встревоженные туристы. Кто-то в панике полез на дерево. Жалкое зрелище! Один парень стал швырять в меня камнями и пребольно угодил мне по морде. Вдруг меня ослепили две яркие фары, взревел мотор джипа. Этого только не хватало! Что они задумали? Неужели хотят на меня напасть?! Помогите! Куда бежать?! Где тут выход?! Как угодно – лишь бы удрать отсюда! Прочь! Прочь! Прочь! Скорей! Спасайся кто может!

Одним рывком сиганув на крышу трейлера, я перепрыгнул на другую сторону. Всё, путь свободен! Ещё мгновение – и я один в непроглядно-чёрном ночном лесу. Я мчался, пока вопли и шум у меня за спиной ни стихли. Ох, дух вон, язык на плечо! Вернулся в дом Рэлстонов еле живой – но ведь живой, и слава богу! Одним прыжком на второй этаж – и к себе в комнату.

На другой день ночные события в лесу описывались в местной газете:

Пума напала на туристов в кемпинге!

Хьюго С. (11 лет) и его мать Мишель С. (41 год) из Чикаго чудом избежали нападения хищной кошки. «Я до смерти испугалась», – сообщила Мишель С.

Ну я даю, совиный коготь вас дери! Кемпинг в ту же ночь

эвакуировали, рейнджеры обшарили все окрестности в поисках зверя. Смешно, ей-богу. В радиусе пяти километров обшарили весь лес!

– Эта статья тебе о чём-то напомнила? – заинтригованно спросил мой приёмный отец Дональд, всё ещё надеясь, что моя память однажды откроется, как волшебный сундук.

Увы, до сих пор все его психологические фокусы ни к чему не привели, я железно придерживался принципа «ничего не помню». Не помог даже гипноз, хотя я опасался, что проболтаюсь. А получилось наоборот: похоже, мои кошачьи глаза загипнотизировали самого Дональда. Его глаза остекленели, и он понёс какую-то ахинею об автомобильной аварии, в которой якобы был виноват.

– Да нет, так, забавная история, – ответил я и отложил газету.

Марлон молча поглощал утренние хлопья с молоком, Мелоди ковыряла вилкой яичницу. Неудивительно, что она тощая, как стрекоза. Между делом она под столом украдкой кормила Бинго кусочками ветчины.

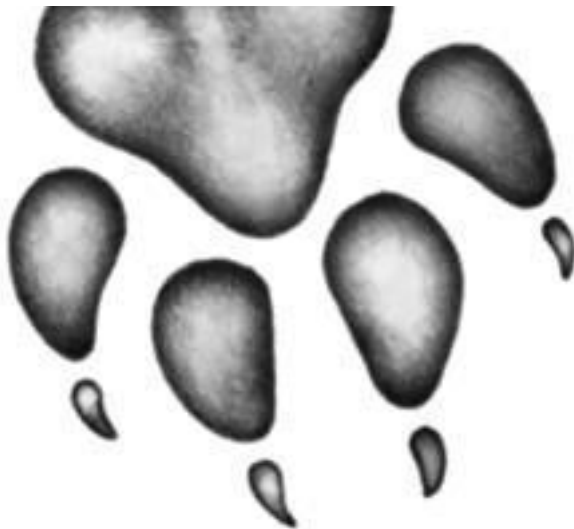
– Хочешь ещё яичницы, Джей? – с неизменной улыбкой поинтересовалась Анна.

– Нет, спасибо.

Я сегодня сам как яичница. Ночь была неудачной. У меня явные проблемы. Когда теперь я снова смогу в облике пумы отправиться в лес, чтобы меня не пристрелили как опасного хищника? И ещё более подавленный, чем вчера вечером, я

ушёл в школу.

Но до школы так и не дошёл.

Необычное предложение

Еду я на велике вдоль шоссе – и вдруг вижу: высокая стройная женщина в бледно-голубом платье стоит на обочине и глаз с меня не сводит. Протянула руку в мою сторону. Может, ей что-то от меня нужно? Но я же на велосипеде, не на машине, я не смогу её подвезти. Или у неё проблемы? Нет, не похоже.

Пока я думал, что делать, незнакомка осталась позади. Теперь все мои мысли занимала контрольная по истории. Мне страшно интересно изучать историю людей, ещё в лесу меня распирало от любопытства. Но, судя по всему, самые великие события человеческой истории всегда заканчивались массовой дракой и множеством разбитых голов.

Секундочку! Опять она! Та же женщина стоит на обочине! И опять впереди меня!

Сбитый с толку, я медленно проехал мимо неё и успел её рассмотреть. Она изучающее сверлила меня глазами – будь я в шкуре пумы, у меня бы шерсть встала дыбом от такого взгляда. Сейчас же вздыбились жалкие волоски на руках.

Что-то жутковатое было в этой женщине. Может, она призрак? Коротко стриженные совершенно белые волосы, как у привидений, и ещё одна странность: она была босая. Люди не ходят босиком и отдают кучу денег за то, чтобы натянуть себе на ноги кусок чьей-нибудь шкуры.

Я поехал дальше. Всё-таки интересно – как она себя поведёт? Прodelает свой фокус с перемещением ещё раз?

Прodelала.

На этот раз я остановился и слез с велика, не спуская с неё глаз. Красивая женщина, лицо строгое, даже суровое, нос с горбинкой. Какая-то дикая красота. Мы молча разглядывали друг друга.

– Кто вы? – наконец заговорил я.

По её узким губам скользнула улыбка – и вот уже она больше не выглядела так угрожающе.

– Поставь куда-нибудь велосипед и пойдём со мной, – ответила она.

Совершенно особенная женщина, нутром чую – особенная. Я последовал за ней без колебаний. Мы ушли от дорог и улиц в долину, поросшую полынью, туда, где начинались кустарник и скалы. В укрытии женщина опустилась на траву, я сел рядом.

– Нравится тебе у людей? – спросила она.

У людей? Это значит...

– Вы оборотень?! – изумился я.

Она улыбнулась и кивнула:

– Наберёшься опыта – будешь сразу чують такие вещи. Попробуй. Близость помогает.

Я прислушался к себе. И почуял. Это было новое ощущение, для которого у меня ещё не было названия. Никогда раньше не чувствовал ничего подобного. Не то страх, не то

радость – и в то же время не то и не другое.

Я чуть не расплакался. Значит, я не один! Поблизости есть и другие лесные оборотни!

– Вы знаете, что я за зверь? – спросил я, успокоившись. – Это вы тоже умеете различать?

Она отрицательно покачала головой:

– Нет, но мне кажется, что ты из хищников. Судя по твоей манере двигаться, ты силён и быстр.

У меня запылали щёки:

– Да, я пума. Или горный лев. Или кугуар. Всё равно. А вы?

– Отгадай.

Теперь догадаться было нетрудно. Белые волосы, гордый профиль, нос с горбинкой, высокая, воздушная.

– Белоголовый орлан?

– Правильно. Моё имя Лисса Кристалл.

– А я Караг, – назвался я, и у меня по спине побежали мурашки: за два года я впервые произнёс своё звериное имя.

Лисса Кристалл улыбнулась, но руку мне не протянула. И хорошо: я не люблю этот человеческий обычай.

– Рада познакомиться, Караг. Я заметила тебя неделю назад в твоей школе, я делала там доклад. Об орланах, разумеется. Я их изучаю как биолог. – И она улыбнулась ещё шире.

Орлица-оборотень... вот как ей удалось дважды обогнать меня на шоссе! А как же платье?

– Ты не ответил на мой вопрос, – напомнила Лисса. – Ну

так как?

Нравится ли мне у людей?

– Ничего, сойдёт, – я пожал плечами. – Охотиться в супермаркете – это удобно.

Зачем соврал, не знаю. Какое там «сойдёт»! Мне паршиво, я хочу обратно в горы, хоть и не знаю, как это осуществить! Но мы знакомы всего пять минут, как-то неудобно сразу ныть. Она не стала вытягивать из меня признание.

– Три года назад я открыла школу «Кристалл». Это особенное место, – заговорила Лисса, – для подростков вроде тебя. Для тех, кто хочет научиться жить полноценно в обоих мирах. Интернат совсем недалеко отсюда. Тебе это интересно? У нас много разных оборотней, но пум до сих пор не было.

– Много оборотней?! Хотите сказать, для таких, как я, даже существует специальная школа?! – я захлёбывался словами.

Лисса улыбнулась моему изумлению:

– Оборотни, или дети леса, как мы себя называем, – явление редкое, конечно, но да – нас много. Моя школа не единственная, есть ещё одна. Мой уже взрослый сын Джек руководит второй, во Флориде. У него учатся оборотни, которым необходима вода: дельфины, крокодилы, акулы и другие.

– Вау! – только и выдохнул я.

– Несколько наших посланников уже пытались связаться с тобой, но ты не пошёл на контакт, вот я и подумала – не

познакомиться ли мне с тобой самой, лично. – Лисса встала. – Новых учеников мы принимаем в нашу школу постоянно, в любое время, приходи когда захочешь. Среди прочего у нас ты научишься легко превращаться. Мы учим наших детей, как вести себя с трудными людьми.

Интересно, она видела мою стычку с тремя хулиганами в школьном дворе?

– Мы могли бы тебе помочь, – продолжала Кристалл. – Ты приспособился бы и к человеческому существованию, и к звериному. Подумай как следует и дай мне знать, хорошо? Мы с радостью тебя примем. Хотя бы для того, чтобы не повторились приключения в кемпинге прошлой ночью.

Я пунцово покраснел. Но Лисса не обратила на это внимания. Она обернулась орланом, платье её упало на землю, она расправила огромные бурые крылья и повела вокруг жёлтыми глазами. Орлан пропрыгал пару шагов по земле, клювом сгрёб платье и примял когтями. Последний взгляд в мою сторону, едва заметный кивок белой головы – и крылья унесли птицу в воздух.

– Как же я дам вам знать?! – растерянно крикнул я вслед.

– *Скажи вóронам!* – прозвучал её голос у меня в голове, так чётко, что я вздрогнул. Ну конечно – не одна только моя пумья семья умеет общаться телепатически.

Через мгновение орлан, он же директор школы, исчез из виду. А я, совершенно потерянный, остался сидеть среди камней. Я не один, нас таких много, есть и другие оборотни!

И, видимо, их жизнь тоже полна проблем. Какое облегчение!

Но что это за интернат? Наверняка он не похож на школу в Джексон-Хоул. Рэлстоны решат, что я спятил, если я попрошусь в другую школу, да ещё такую странную, невиданную, неслыханную, с такими экстраординарными учениками. Даже мои родные родители, скорее всего, не согласились бы.

Кстати о школе! Кажется, я прогулял контрольную по истории! Впрочем, не важно. Сейчас есть дела поважнее. Речь идёт о моей жизни. Обо всей моей жизни, чтоб её!

Ещё одно предложение

Вернувшись ближе к вечеру в дом Рэлстонов, я ожидал, что мне устроят скандал и замучают вопросами. Я никогда ещё не прогуливал школу. Однако вместо этого я застал дома какую-то суету, которая ко мне не имела отношения: Анна сновала по дому в кухонном переднике и с ошипанной индейкой в руках.

– А что происходит? – осведомился я.

Моя приёмная мать утомлённо вытерла пот со лба:

– Представляешь, неожиданные гости к ужину!

– И что?

Разве это повод так суетиться? А этому ошипанному без перьев как будто холодно.

– Эндрю Миллинг! Он приедет ради тебя!

Ничего не понятно. Эндрю Миллинг, этот знаменитый тип с плаката? Но при чём тут я? И хорошо это или плохо?

– Мог бы рассказать, что выиграл конкурс талантов, – продолжала Анна, сияя. – Горжусь тобой. А ведь тебе так трудно давались сочинения!

Конкурс талантов? Я бы, наверное, заметил, если бы участвовал в чём-то подобном. Я растеряно наблюдал, как

паук плетёт паутинку под потолком кухни.

– Эндрю Миллинг, Джей, – один из самых важных людей на всём американском Западе, – начал объяснять Дональд, перебирая бутылки с виски, откупорил одну и потянул носом запах из горлышка, – ему принадлежат нефтяная компания, киностудия, пара фирм в Силиконовой долине и горнолыжный курорт здесь, в Джексон-Хоул, – «Сьерра-Лодж».

Ну, круто, наверное, но мне-то что с того? На горных лыжах я не катаюсь, нефть мне не нужна. Вот индейка, запечённая в духовке, – это другое дело. Теперь-то ей точно не холодно, в духовке 220 градусов.

Но мне не дали полюбоваться, как дичь покрывается корочкой, – нас с Марлоном заставили накрывать на стол. Мой приёмный брат с обычной глумливой физиономией притащил стопку тарелок. Я предложил кленовые листья для украшения стола, но Марлон скорчил рожу:

– Чё ещё за мусор! – И одним махом отправил охапку листьев в камин.

– Ты что! Было же красиво!

– Не повезло тебе! – Марлон злобно ухмыльнулся.

Злится, что местная знаменитость придёт в гости не ради него. Он бы никогда не поверил, что я выиграл какой-нибудь конкурс.

– Мальчики, не спать! Поторопитесь, гость может прийти в любую минуту! – напомнила Анна, поставив на стол блюдо с печёной картошкой, и снова юркнула в кухню. – Мелоди,

ты переоделась?

– Переоделась!

Мелоди в новом платье сновала по гостиной, как белка. Посреди всей этой суматохи валялся равнодушно-безмятежный лабрадор Бинго. Он жевал свою косточку и недоверчиво поглядывал на меня. Я показал ему язык.

Без четверти семь – звонок в дверь. На пороге стоял спортивного сложения, мускулистый загорелый мужчина, блондин с проседью, одетый дорого, но не официально, как одеваются на Западе после работы: джинсы, белая рубашка, ковбойские сапоги, очевидно ручной работы, по индивидуальному заказу. Миллинг улыбался идеально ровными сверкающими зубами. Он излучал силу, уверенность в себе, как доминантный альфа-самец, который отвечает за жизнь большой стаи.

Но не это главное. Когда он пожал мне руку, я почувствовал то же самое, что и сегодня утром, когда познакомился с Лиссой Кристалл. Это безымянное чувство, когда встречаешься с другим оборотнем. Как поток тёплого воздуха по коже. Я смутился до крайности и уставился на свои ботинки. Неужели один из повелителей Запада – оборотень? Да не просто оборотень, а такой же, как я, – из хищных кошек. Он тоже пума! Но почему у него такие тёмные глаза? У нас глаза янтарные или зелёные.

– Очень рад познакомиться с тобой, Джей, – заговорил Миллинг. – Я Эндрю.

Он всё обо мне знает! Я это понял, когда он по-особенному произнёс моё имя.

– Привет, Эндрю, – выдавил я из себя.

– Проходите, пожалуйста! – суетился Дональд. – Мы так рады вашему визиту.

Каким маленьким, безобидным, пухлым и уютным казался он рядом с гостем!

– Садитесь, Эндрю, для нас это такая честь, – пригласил Дональд, потряхивая длинными седеющими волосами, стянутыми в лошадиный хвост.

Миллинг покори́л мою приёмную семью за пять минут. Хвалил напиток, поданный Дональдом, оценил новое платье Мелоди, впечатлился фотографией над камином: на этом снимке президент США вручает Анне медаль за её вклад в борьбу с бедностью. К печёной картошке он не притронулся, зато индейку уплетал за обе щеки, нахваливая так, что хозяйка зарделась от гордости.

Я сидел напротив, ковырял вилкой индейку, кусок в горло не лез. Чего этот чужак от меня хочет? Пришёл предостеречь, чтобы не лез на его территорию?

– Ну, теперь о тебе, Джей, – обратился ко мне Миллинг. – Блестящий результат, ты выиграл конкурс талантов. Впечатляет. Ты всё выполнил правильно.

Я молчал. Даже спрашивать не стал, о каком конкурсе он говорит. Это лучше выяснить с ним наедине. И что такое я выполнил правильно? В последнее время меня, помнится,

облили холодной водой, после чего я опозорился на ночной охоте. Неужели он об этом?

– Спасибо, сэр, – проговорил я.

– У тебя может быть блестящее будущее, – продолжал гость.

Я заставил себя улыбнуться. Что мне от его похвал? Всё равно что койоту от мобильного телефона! Не заслужил.

– Я решил лично передать тебе твою награду, – Миллинг вынул что-то из нагрудного кармана рубашки.

Карманный складной нож с ручкой из благородного полированного дерева. Ух ты, дорогая вещица! К нему прилагалась визитная карточка с золотой надписью. Он протянул всё это мне:

– Я буду рад поддержать тебя в будущем, Джей. Там на карточке мой личный номер.

Я молча кивнул, совершенно потерянный. Нож и карточку я взял и спрятал в карман.

– Что надо сказать? – шепнул Дональд.

– Э-э-э... Спасибо, – выговорил я.

– Вы позволите нам поговорить тет-а-тет? – попросил Миллинг моих приёмных родителей.

Оба с готовностью закивали: конечно, пожалуйста, не торопитесь! И повелитель американского Запада вместе со мной вышел на большую террасу, выстроенную из деревянных балок, откуда открывался вид на горы.

Я решил заговорить первым:

– Это же у вас ненастоящий цвет глаз, правда?

Миллинг тихо засмеялся:

– Ненастоящий. Я ношу цветные контактные линзы. Жёлтые глаза сбивают с толку деловых партнёров.

– А, ну понятно, – выдохнул я.

Невероятно – ещё одна пума-оборотень! У меня столько вопросов! Знакомство в Лиссой Кристалл меня слишком шокировало, с Миллингом теперь было по-другому. Он тоже пума и мне не враг. Он намного сильнее меня, в битве за территорию он бы меня уничтожил – но он хочет мне помочь.

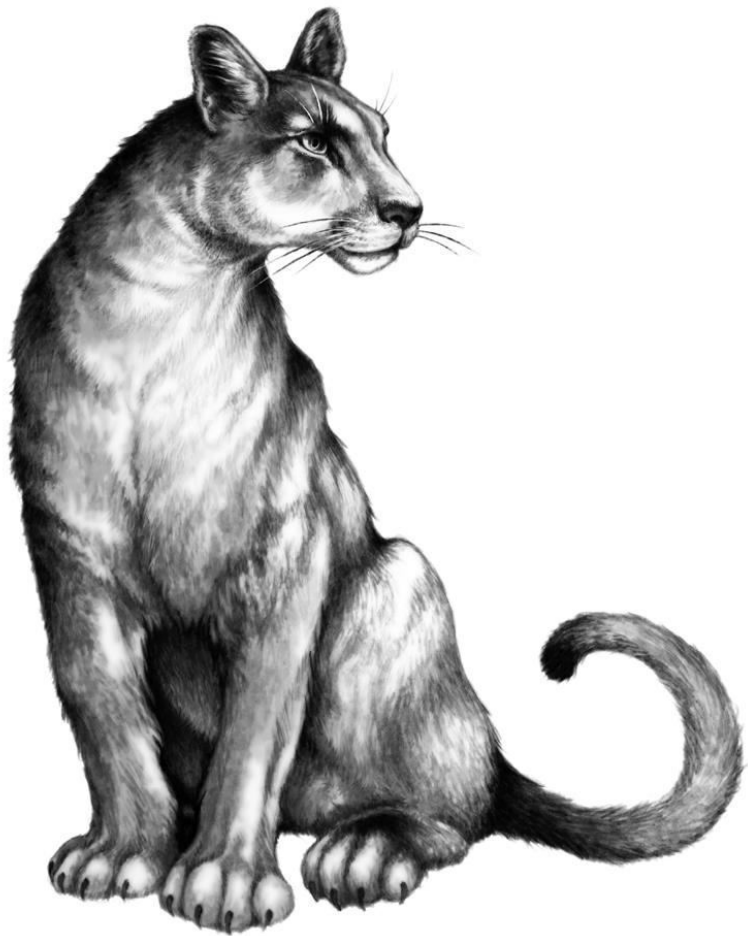
– Вам так легко удаётся быть человеком?

– Я привык. – Миллинг пожал плечами и оглядел меня с ног до головы. – Ты, я вижу, тоже справляешься неплохо. Хотя нет, тебе трудно, я это чувствую.

Я сам не понял, как ему всё о себе рассказал: что до сих пор у меня нет друзей, что я не научился ладить с Марлоном, Мелоди и Дональдом, что не могу найти своих родителей. И мне полегчало! Просто камень с души упал!

– Это плохо, – отозвался Эндрю.

Он облокотился на перила, скрестил руки на груди и посмотрел на меня. Он меня изучал. В сумерках я видел, что он улыбается, только улыбка у него была неискренняя. Мне вдруг стало не по себе. Что этому типу от меня надо? Ну его, шёл бы он уже!

Но Миллинг не собирался уходить.

– Ты знаешь школу «Кристалл»? – спросил он, достал из кармана батончик шоколада и в одну секунду проглотил его.

Я смущённо засмеялся:

– Да, Эндрю. Меня как раз сегодня туда пригласили.

Правильнее было бы звать его «мистер Миллинг», но раз уж он сам представился как «Эндрю»...

– Хорошо, – кивнул гость, – вот и ступай в эту школу.

Это прозвучало как приказ. Будь я пумой, уже наострил бы уши и оскалился.

– Да, наверное, я так и поступлю, – согласился я, а потом немного бунтарски прибавил: – А может, и нет...

– Не делай глупостей, – фыркнул Миллинг, – ты же хищная кошка, а не заяц! Если ты упустишь этот шанс, значит, ты совсем не так талантлив, как я думал.

Он оттолкнулся от перил и кивком позвал меня следовать за ним в дом. Между тем на террасу забрёл Бинго и, учуяв гостя, зарычал: теперь в доме сразу две мерзкие кошки! Эндрю Миллинг презрительно взглянул на него сверху вниз и пнул его мыском сапога. Лабрадор испуганно заскулил и скрылся в дом. Я не слишком любил Бинго, но в тот момент мне стало его жалко – он зарычал не на того противника.

Очарованные Анна и Дональд прыгали вокруг Миллинга. После тысячи комплиментов и реверансов Миллинг отклонялся, и Рэлстоны наконец расслабились.

– Марлон, Джей, вы моете посуду! – скомандовала Анна. – А потом быстро спать. Завтра в школу.

Все вместе мы перетаскали грязную посуду в кухню. Дональд ушёл убирать виски в бар, подальше от Марлона. Анна повела Мелоди в ванную.

Марлон открыл горячую воду и обернулся ко мне.

– Дай сюда эту штуку, – потребовал он.

– Какую штуку?

Я понятия не имел, чего он хочет.

– Карманный нож, придурок. Давай его сюда!

Ах это. Я засунул руку в карман и обхватил пальцами маленький, но тяжёлый нож, отполированный, как морской камень:

– С какой стати?

– Иначе скажу, что ты мне угрожал.

Говнюк! Будь я сейчас пумой, впился бы ему клыками в филейную часть. Но, к сожалению, он сын Анны, а ей я не хочу причинять вреда. К тому же она, возможно, поверила бы Марлону, пусть он и несёт полный бред. Так пусть хоть она думает обо мне хорошо.

– Ничего ты не получишь! – взбесился я.

Тогда Марлон просто попёр на меня. Я дал сдачи. Инстинктивно. И попал ему по носу. Он завопил, и мы, вцепившись друг в друга, покатались по кухне. Несколько тарелок со звоном свалились на пол и разлетелись вдребезги.

– Вы что, сдурели?! – встрял Дональд, пытаясь нас разнять, поскользнулся на мыльном полу и рухнул сам.

– Что тут, чёрт возьми... Что это такое?! – В кухне воз-

никла возмущённая Анна.

Мы трое приняли наконец вертикальное положение.

– Вы двое! – обрушилась Анна на меня и Марлона. – Марш мыться, потом поговорим. И выясним, кто первый начал.

У Марлона из носа текла кровь, но он подленько ухмылялся в мою сторону. Ясно, что он хочет этим сказать. В ванной я молча выдал ему мою «награду за победу в конкурсе» – отдал без особого сожаления, даже рад был от неё избавиться. Зачем мне нож? Как человек я не умею им пользоваться, а как пуме он мне уж точно не нужен. Кроме того, как я понимаю, визитная карточка Миллинга намного ценнее.

Клыки

Той ночью я долго не спал. Всё думал о Лиссе Кристалл, о её школе, об Эндрю Миллинге, о моей приёмной семье и об этом городе. И когда солнце поднялось из-за горизонта, я принял решение: да! Пусть я сомневался, пусть Миллинг меня к этому вынудил, отчего меня, конечно, с души воротит, – но эта школа мой шанс, я просто должен попробовать. Но как убедить опекунов? У этого интерната хоть сайт-то в Интернете есть?

Когда я вышел за газетой, на перилах сидел ворон. Наверное, тот же самый, что приставал ко мне около школы. Я ему подмигнул, он подмигнул в ответ и клювом указал на газету. В неё оказался вложен цветной проспект школы «Кристалл».

– Спасибо, это мне поможет!

Я с любопытством стал листать проспект. Фотография парадного входа, уютные классы, маленькие и большие, симпатичные учителя что-то обсуждают с подопечными, радостные ученики с полными тарелками в школьной столовой, просторные спальни с двумя кроватями. Список предметов, приветствие директрисы, схема проезда. Всё выглядело до невозможности нормально. Надо полагать, проспект предназначался для ничего не подозревающих людей.

Я сел завтракать, придвинул к себе тарелку, глубоко вдохнул и заговорил:

– В школе недавно кто-то рассказывал о частном интернате – здесь, неподалёку. Вроде бы там здорово. И меня бы приняли.

Четыре пары глаз с удивлением уставились на меня.

– С чего тебе вдруг такое в голову взбрело? Ты ведь уже приспособился к нормальной школе, – отозвалась Анна, у которой тост с клубничным джемом застыл на полпути от тарелки ко рту. – Интернат? Ну, не знаю.

– Как он называется? – спросил Дональд, хмурясь и вытирая салфеткой с губ кленовый сироп.

– Школа «Кристалл», – ответил я и протянул ему проспект.

Он взял его с таким видом, словно я подсовывал ему дохлого опоссума.

– «Кристалл»? Никогда не слышал, – проворчал он и пролистал брошюру.

Едва он успел дойти до конца, Мелоди со словами «И я хочу! Дай!» вырвала проспект у него из рук. Но Марлон схватил у неё брошюру с таким остервенением, что порвал обложку. Проспект шлёпнулся на блины с кленовым сиропом. Ну, классно! Теперь он будет грязный и липкий.

– Стоп! Стоп! Так нельзя! – вмешалась Анна и спасла брошюру, которую теперь нелегко было перелистывать. – В общем, так, эта школа-интернат производит хорошее впечатление. А ты как считаешь, Дональд?

Оба многозначительно переглянулись. Представляю, что

они сейчас подумали. С Марлоном мы не ладим, это ясно. После вчерашней драки родители будут рады нас на время развести. Хотя Дональд всё ещё сомневался.

– И почему удовольствие? – поинтересовался он, отрезая кусок четвертого блина.

– Понятия не имею, – признался я, – но Эндрю Миллинг вчера одобрил мой переход в этот интернат. – И я вынул из кармана визитку знаменитости.

Дискуссия мгновенно закончилась. Дональд побежал звонить Кристалл, выяснил, что меня там уже ждут, и даже со стипендией. Значит, семье моё обучение в интернате не будет стоить ни цента.

Дальше всё произошло со скоростью свиста. Уже на другой день никто ничего не имел против интерната, было решено, что на следующей неделе я перехожу в «Кристалл» и что Анна и Дональд сами меня туда отвезут. Хотя даже в этом не было необходимости: Лисса обещала прислать за мной водителя.

Я успел попрощаться в моей старой школе с теми немногими, кто был ко мне добр. В воскресенье с колотящимся сердцем собирал чемодан и рюкзак. Осторожно уложил на дно рюкзака ожерелье из резного рога, подарок мамы. Превозмогая свой страх перед людьми, она дважды в год продавала такие украшения на ярмарочной площади в Джексон-Хоул, чтобы у нас в тайнике накопилось немного денег. Увижу ли я когда-нибудь снова моих родителей и сестру?

Следующей в рюкзак была спрятана моя копилка – 276 долларов, – хотя, чёрт, там осталось только 230 долларов. Марлон постарался, я чувю! Вот паршивец! Я каждый доллар заработал своим трудом, полил своим потом, пока в каникулы вкалывал в сувенирной лавке! С какой радостью я вышвырну в окно Марлонову коллекцию минералов и камней – пусть собирает их потом по всему саду. От бешенства у меня так выросли клыки, что стали колоть нижнюю губу.

Именно в этот момент Анна постучала в мою дверь.

– Секундочку! – испугался я, но она уже вошла.

Я резко отвернулся и стал запихивать в чемодан свои майки.

– Джей, ты уложил вещи?

– Да, заканчиваю.

– Хорошо. Знаешь, я буду по тебе скучать. Здорово, что два раза в месяц тебя будут отпускать домой на выходные.

– Ага, – прошелестел я и нагнулся ещё ниже к чемодану.

Клыки, чтоб вас, исчезните уже! Я потянул к себе фотографию, которая для таких экстренных случаев стояла у меня на ночном столике: совершенно нормальный мальчик Джей в спортивной форме играет в баскетбол. Совершенно нормальный... я совершенно нормальный... Слава богу, клыки стали втягиваться...

– Ты уже скучаешь по дому? – Анна обняла меня за плечи.

Скучаю по дому?! Смеётесь?! Они с Дональдом зачем-то настояли на том, чтобы меня отпускали «домой» два раза

в месяц. Эти выходные «дома» будут так же очаровательны, как если бы я попал лапой в капкан.

– Джей, всё в порядке? Я знаю, Марлон к тебе не очень добр. Мне жаль, что он испортил твой проспект. Он отстаёт в школе, ты знаешь, и Дональд сильно давит на него из-за плохих оценок.

– Да ладно, проспект ерунда, – пробормотал я.

Какое отношение имеет ко мне неуспеваемость Марлона? Чёрт, нельзя думать о нём – опять начинают расти клыки! Если Анна это увидит, её точно хватит удар.

– Вот ещё туалетные принадлежности, – напомнила Анна и положила мне в чемодан зубную пасту.

Самое время для пасты, как раз в точку, подумал я, закрывая рот рукой.

Наконец Анна ушла.

Вот счастье-то! Жаль, я не мог запереть дверь изнутри – не было ключа. Я подпёр дверь комодом. Анна как раз решила опять зайти, и дверь стукнулась о комод.

– Да, Джей, – крикнула Анна в щёлку, – проветри комнату. У тебя странно пахнет... Как будто кошкой...

На другое утро за мной приехал помятый синий джип с открытым багажником и логотипом средней школы «Кристалл». Задери меня кабан – что за царапины на борту? Это точно следы от когтей!

Я вцепился в чемодан. Из джипа вышел немолодой, но очень мускулистый джентльмен с каштановыми волосами,

напоминающими щётку, и с татуировками на руках, в чёрных кожаных брюках и джинсовой куртке на голое тело. Ну в точности как один из этих – из «Ангелов ада», рок-байкеров из телевизора.

– Мистер Содерберг, завхоз школы «Кристалл», – представился он Рэлстонам и коротко пожал им руку. – Я приехал за вашим сыном. – Одним взглядом он измерил меня с ног до макушки, и его обветренное лицо сложилось в подобие улыбки. – Ну, поехали, – бросил он мне.

Рэлстоны растерялись и расстроились. Видимо, они по-другому представляли себе посланника элитного интерната.

– Может быть, как-то... – заговорил было Дональд.

Мистер Содерберг словно встал в охотничью стойку и прищурился.

– ...рановато для интерната? – промямлил Дональд.

Завхоз молча взглянул на моих опекунов в последний раз и буркнул мне:

– Ну, пошли!

Немного смущённый, я обнял на прощание Анну, Дональда и даже Мелоди. Марлон хлопнул меня по спине с такой силой, будто хотел сломать мне лопатку.

Татуированный водитель это заметил. Он подошёл к Марлону и протянул ему руку. Марлон в ответ протянул свою. Большая ошибка! Водитель сжал пальцы, и лицо Марлона стало малиновым. А через пару секунд побелело как молоко. Как кислое молоко.

– Всё, – скомандовал водитель, – поехали.

Марлон с перекошенным лицом держал на весу свою сплюснутую ладонь. Я сгрёб багаж, разместил его в машине и забрался внутрь. Водитель от души нажал на газ, и мы помчались по шоссе прочь из Джексон-Хоул.

– Спасибо, – обратился я к завхозу.

– На здоровье, – бросил он. – Кстати, я Тео.

Кто ты, Тео, человек или зверь? Не могу учуять. А у оборотней бывают татуировки? И сохраняются ли они у них в зверином обличье?

– Далеко нам ехать? – осмелился спросить я.

– Минут двадцать всего, – пробурчал завхоз, – но сначала заедем в звериный приют.

– В звериный приют?

Должно быть, дурацкий у меня был вид, когда я переспрашивал.

– Да. Надо забрать одну ученицу, которая отличилась в выходные. – Он ухмыльнулся. – Долго же мы её искали.

Я тихо охнул и попытался представить, что же это за оборотни, которых отправляют в звериный приют, когда они плохо себя ведут.

Вскоре мне предстояло узнать это самому.

Школа «Кристалл»

В зверином приюте гремел собачий лай. Сердце у меня заколотилось. На моего отца однажды охотились – на него выпустили целую свору собак, его травили, пока он не спрятался на дереве. Ему тогда крупно повезло.

Тео заметил, что мне нехорошо.

– Что, не твои друзья? – усмехнулся он.

Я молча помотал головой.

Мы позвонили. Открыла женщина в розовом спортивном костюме.

– Да, пожалуйста, – с надеждой заговорила она. – Собаку, кошку, кролика?

– Рыжую белку, – попросил Тео.

– Ах эту! Психованный зверёк, – засмеялась женщина и потрянула седыми кудрями. – Обворовала туристов прямо в кемпинге. Я сразу подумала, что она никак не может быть дикой! – И строго прибавила: – Это же не вы научили её воровать?

– Я пытаюсь её от этого отучить, – объяснил Тео.

– Ах вот как. Ну, тогда удачи. Честно говоря, я рада от неё избавиться. Она скачет по клетке как бешеная и пытается открыть замок.

– Сожалею, – сказал Тео, пытаясь таким образом изви-

ниться.

От этого у него был вид больного слона. Надеюсь, он не слон!

Хозяйка звериного приюта провела нас в зарешеченное помещение, где возвышалось искусственное дерево для лазания. Посередине к стволу крепились миски с кормом и водой. За решёткой, на самом верху, я увидел рыжую белку, очевидно в отвратительном настроении. Обеими передними лапами она яростно драла коричневый плюш, которым было покрыто искусственное дерево. Так-так, значит, это и есть моя однокашница.

– Эй, прекрати, негодница! – крикнула хозяйка.

Белка взглядом послала женщину куда подальше и продолжала драть плюш.

– Ну всё, хватит, – объявил Тео и открыл клетку-переноску. – Давай залезай.

Со скоростью ветра белка метнулась вниз по дереву и прыгнула в сумку.

– Какая тренировка! – удивилась хозяйка. – Как её зовут?

– Холли, – ответил Тео, закрыл на крючок переноску и кивнул женщине: – Большое спасибо. Надеюсь, это больше не повторится.

Мы отнесли клетку в автомобиль и уехали. Но не далеко. За ближайшим поворотом Тео открыл клетку и достал из пёстрого рюкзака несколько вещей из девчачьей одежды – неоновозелёный топ и шорты. Рюкзак явно принадлежал не

ему. Потом он кивнул мне, мы вместе вышли из машины и облокотились о багажник.

Внутри всё прыгало и грохотало, потом раздался девичий голос:

– Фу, как же там мерзко! Чего вы так долго?! Могли бы пораньше меня оттуда вытащить! Еда ужасная. Пусть эта дура сама ест этот отстой!

Я с любопытством поглядел в кабину. Там сидела миниатюрная черноглазая барышня с рыжими волосами до плеч, моя ровесница.

– Чего уставился? – она сверкнула на меня чёрными глазами.

Мы снова сели в машину.

– Да так, – ответил я, не обижаясь – мне было слишком интересно. – И часто тебя ловят?

– Не-а, это я облажалась. Туристы попались шустрые, чтоб их, поймали – кто знал-то? – Холли стала перебирать маленькими хрупкими пальцами по спинке переднего сиденья, глядя на меня с таким же любопытством. – А ты кто? Тебя к нам везут или как?

– Да, теперь я один из вас. – И я почувствовал гордость, что я оборотень, а не просто человек. – Я пума.

– Пума? Вот чёрт! Попробуй только меня съесть – все патлы выдеру, понял!

– Понял, – кивнул я и засмеялся. Она больше походила не на белку, а на крысу из городской канализации. – Расслабься,

я не голодный. А куда ты дела то, что украла? Выбросила?

– Украла? С чего это я стану воровать? Это запрещено.

Она состроила невинную физиономию, но зря старалась: воровские шныряющие глаза всегда её выдадут.

– Ты давно в школе? Как там? – поинтересовался я.

– Дико и пёстро! – ответила Холли.

Через несколько минут мы в молчании въехали на территорию интерната. Тео припарковал джип на газоне перед входом в здание школы. Я видел это здание в проспекте: современное кирпичное, без штукатурки, с большими окнами и вывеской «Средняя школа «Кристалл» с буквами из благородной стали.

– Что именно дико? – попытался уточнить я, но Холли только засмеялась и убежала куда-то за угол здания.

Я взял рюкзак и пошёл за ней. И быстро понял, что этот парадный вход – только для гостей, а сама школа совсем другая. Чем дальше от входа, тем больше она походила на дикий лесной ландшафт. Холли вскарабкалась на громаду из гранитных блоков, сваленных как в дикой природе и поросших травой и молодыми деревцами.

– В этой части, в западном крыле, – наши комнаты. Недурно, правда? – Холли похлопала по круглому камню, который торчал из середины гранитного блока. – Моё окно! – объявила она.

– Вау, – только и смог выговорить я, больше ничего не пришло в голову.

Я пригляделся: таких «окон» было много. И все разной формы: круглые, угловые, большие, маленькие, а наверху даже купол, особенно хорош. Ночью оттуда наверняка здорово наблюдать звёздное небо.

Холли с невероятной быстротой спустилась вниз и повела меня дальше.

– *Пошли, покажу тебе твою комнату*, – услышал я голос у себя в голове. Я обернулся и от страха отпрыгнул в сторону: за мной стоял массивный лось-самец, полтонны мускулов и стальные копыта. На такого зверя даже мои родители не решились бы напасть. На рогах у него с одной стороны висели пёстрый рюкзачок Холли и моя куртка, с другой – мой чемодан.

– Ладно, – выговорил я, немного оправившись от испуга и изумления, и последовал за Тео в мою новую школу.

Холли прошла на руках по каменным блокам, потом встала на ноги и побежала за нами.

Мы шли по широким коридорам и переходам с высокими потолками. Живопись тут была отстой: то волчий силуэт на фоне заката масляными красками, то трубящий олень на фоне гор, то какой-то мопс в позе кинозвезды перед миской, полной сухого корма.

Кроме Холли, я ещё не встретил ни одного ученика. Оно и понятно: понедельник, утро, идут уроки, все в классе.

В коридоре появились две девочки и мальчик и протиснулись мимо нас.

– Еле просочились, – прошептал мальчик. – Как думаешь, этот сохатый нас заметил?

– Это вряд ли, – отрезала одна из двух девочек, с такими же длинными чёрными волосами, как и у мальчика.

Когда они проходили мимо нас, черноволосая девочка мне улыбнулась, и я догадался, что она и есть тот ворон, который принёс мне проспект школы. Я улыбнулся ей в ответ.

– Вернулись из экспедиции, – пробурчал Тео.

– Откуда? – не понял я.

– Да забудь, – встряла Холли, скорчив рожицу, – нам всё равно ещё нельзя. Только после промежуточного экзамена. Воронов посылают, потому что они один раз уже почти справились. Провалились только в человекознании.

– А, ну ладно, – проямлил я, как будто что-то понял.

Ещё две группы учеников прошли мимо нас. Мы поднялись по лестнице на второй этаж. По обеим сторонам – ряды дверей, огромных, минимум в два раза больше, чем у людей. И на каждой – написано краской по два имени.

– Ну, покедова! – попрощалась Холли, сняла у Тео с рогов свой рюкзак и свернула в боковой коридор, видимо в женское отделение.

Меня же лось повёл в другой коридор. Там я увидел Лиссу Кристалл и мальчика в полосатом свитере, весьма бравого вида. Они стояли перед дверью, на которой ещё не было выведено ни одного имени. Значит, это моя комната? Лисса Кристалл дружески кивнула мне и снова повернулась к маль-

чику, может быть моему будущему соседу.

Интересно, что он за существо? Мальчик только коротко взглянул на меня, при этом у него нервно дёргалось одно веко.

– Это какая-то ошибка, – говорил он, – как я, кролик, могу жить в одной комнате с пумой?! Пожалуйста, неужели больше нет свободных комнат?!

Я даже немного расстроился. Хотя паренька, конечно, можно понять. Но, пусть он и очень аппетитно пахнет, я бы ничем его не обидел. Здесь наверняка запрещено есть одноклассников.

Лисса вздохнула:

– Ну хорошо, Нимбл, не хочу, чтобы ты по ночам мучился кошмарами. Поселю тебя в одноместную комнату 22-Би.

– О, спасибо! Спасибо! – засуетился Нимбл и потащил за собой свой чемодан. И исчез, даже не попрощавшись.

Тео сбросил мой чемодан на пол и копытом пнул его к двери комнаты.

– Спасибо, – поблагодарил я, – что забрали и вообще.

– Караг пусть живёт с Брэнденом, – обратилась Лисса к Тео, – я предупрежу Брэндона.

– С Брэнденом?! – из ниоткуда возникла шустрая Холли. – Но...

– Они поладят, – уверенно заявила директриса и выстрелила в белку острым орлиным взглядом. – А теперь в класс, Холли, ты и так достаточно пропустила! После обеда пого-

ворим в моём кабинете.

Холли взглянула на меня, сделала какой-то жест, смысл которого я не понял, и шмыгнула прочь.

Тогда Лисса обратилась ко мне:

– Прежде всего, добро пожаловать, Караг. Рада тебе. Хорошо, что ты с нами. Извини за историю с комнатой и с Нимблом.

– Да ладно, – проговорил я с тяжёлым сердцем.

Она улыбнулась, передала мне несколько листов бумаги и набор книг:

– Сначала распакуй вещи, обустройся, прочти школьные правила. Вот твои учебники. Скоро обед. Я пришлю к тебе Брэндона, он проводит тебя в столовую и расскажет о школе. Ну, ступай, осваивай новую территорию.

Она торжественно протянула банку с жёлтой краской и кисточку. Я улыбнулся. Через минуту на двери большими солнечными буквами светилась надпись «КАРАГ». Очень по-кошачьи! Я распаковал вещи так же быстро, как пумы по-мечают когтями ствол дерева. У меня и вещей-то – раз-два и обчёлся.

Потом я уселся на кровать и стал листать новые учебники: «Превращение для начинающих», «История культуры оборотней», «Жизнь оборотня» и другие книги с довольно дикими заголовками. Так когда же появится мой сосед?

Пёстро и дико

Пока ждал соседа, я основательно осмотрелся. Комната была велика, не меньше чем гостиная в доме Рэлстонов, но мебели было немного: две кровати, два шкафа, два письменных стола с двумя стульями, всё из дерева. На полу – пёстрый ковёр, с ним уютнее. Больше всего мне понравилось большое круглое окно, из которого открывался вид на реку под ивами.

Окно было в нише, где можно было уютно сидеть и глядеть на улицу. И совсем хорошо – это окно широко открывалось. Смогу ли я через каменные блоки выбраться наружу? Надо попробовать. Попробовал. Без проблем. Я не страдаю головокружениями. Не родился ещё горный лев, который бы боялся высоты!

Я как раз балансировал между окном и камнями, когда дверь наконец отворилась и вошёл мой новый сосед. Одним рывком я влетел обратно в комнату. В дверях стоял широкоплечий парень с рюкзаком и походной сумкой. Сумка трещала по швам, как будто туда запихали сразу трёх трофейных оленей. Но это, конечно, всего лишь горы шмоток.

– Привет, ты пума, да? Я Брэндон. Ой, чёрт!

Ремень его баула остался висеть на ручке двери, баул же рухнул вниз. Брэндон и сам потерял равновесие и в смущении плюхнулся на свой зад.

– Извини, я... – бормотал он, поднимаясь на ноги.

В этот момент сумка не выдержала: молния разошлась, и на пол обрушился поток каких-то жёлтых шариков. Что это? Десятилетний запас жёлтой жвачки?

– Минутку, сейчас соберу!

Брэндон пытался горстями снова запихнуть всё это в сумку. Я чуть не взорвался от смеха.

Кукуруза! В бауле у Брэндона вообще не оказалось никаких вещей – только кукуруза. Мы стали вместе собирать зёрна, руками смели их под кровать и вытряхнули из ковра.

– Они не влезут в сумку, – кряхтел Брэндон, – давай в наволочку соберём.

Сказано – сделано.

– У тебя что, совсем нет другой одежды? – осведомился я, когда комната снова стала похожа на жилое помещение.

– Есть, конечно, – обиделся Брэндон.

Он открыл крошечный по сравнению с баулом рюкзак и достал чёрную футболку, копию той, что была на нём, брюки цвета хаки и немного белья. Всё это он запихнул в шкаф, сел на кровать, вытер со лба пот и, смущённо улыбаясь, поглядел на меня.

– Это очень мило, что ты согласился стать моим соседом, – сказал он и с блаженным видом разжевал кукурузное зерно.

Ну, меня не особенно-то и спрашивали, хочу ли я жить с ним в одной комнате. Но вслух я этого не сказал – зачем обижать парня, я и так сейчас над ним смеялся.

– Прежде всего, привет, – напомнил я. – Что ты за зверь? Брэндон смущённо потупился.

– Бизон, – прошептал он, – и я в этом не виноват.

Бизон! Ну конечно! Теперь я и сам это видел. Широкоплечий, ширококостный, очень сильный, плотно сбитый, темно-волосый и кудрявый – точно бизон!

– Разумеется, не виноват, – кивнул я. – Мы же не выбираем, в чьей шкуре родиться.

– Это правда, – вздохнул Брэндон. – Ладно, пошли, Лисса велела показать тебе школу. Я сам здесь только три недели, но уже разбираюсь. Идём?

Каково это – жить с бизоном? Когда он злится, во что он впивается рогами? Надеюсь, всё-таки в шкаф, а не в соседа!

Школа представляла собой квадратное здание с обширным внутренним двором, с большим садом посередине. На втором этаже располагались спальни учеников и личные комнаты учителей, на первом – все классы, актовый зал и кабинеты. В подвале – разные склады, мастерские, но туда ученикам можно было заходить только с особого разрешения учителя.

– А теперь самое крутое – столовая и гостиная, – объявил Брэндон. – Тебе понравится!

О да! Столовая находилась прямо под стеклянным куполом, на который я любовался ещё снаружи. Сегодня в хорошую погоду обе половинки купола были открыты, как створки у морской раковины. В одной половине столовой уже обедали примерно сорок учеников, все в человеческом обличье – видимо, таков был порядок. В гостиной стояли мягкие диваны и кресла, вокруг низеньких столиков лежали подушки. Пара открытых ноутбуков, настольный футбол и целый шкаф настольных игр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.